

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).05: 327

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА 1697–1698/99¹

Д. Ю. Гузевич

Школа высших социальных исследований, Париж
E-mail: gouzevit@ehess.fr

В статье рассмотрены реальные дипломатические цели Великого посольства (ВП), которые полностью не были раскрыты в официальных документах и оставались загадкой. Выявлены цели, к достижению которых стремилось «ядро ВП», а также те, которых добивались ехавшие на юг стольники и боярин Б. П. Шереметев. Выявлено, что присутствие ВП на Рисвикском конгрессе в виде наблюдателей не было случайным событием, и показано, что дала России эта акция. Высокая степень согласованности всех групп, участвовавших в «большой акции ВП», позволяет говорить о наличии достаточно стройного первоначального замысла по «силовому» введению России в концерт европейских государств. Именно поэтому так легко произошла в ходе путешествия смена южного направления внешней политики (коалиционной войны против Османской империи) на северное (коалиционную войну против Швеции). И то, и другое было лишь конкретизацией претензий на участие в европейском концерте, которая менялась с учетом изменявшихся общеполитических условий.

Ключевые слова: Великое посольство, Петр I, Рисвикский конгресс, Священная лига, Б. П. Шереметев, П. А. Толстой.

The Diplomatic Aim of the Great Embassy 1697–1698/99

D. Ju. Gouztvitch

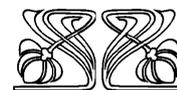
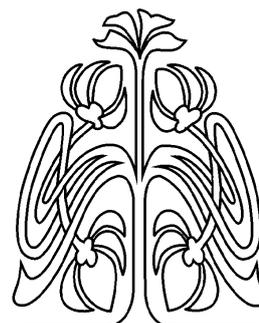
The article deals with the real diplomatic aims of the Great embassy (Velikoe posol'stvo, VP) which were not fully disclosed in the official documents and remained a mystery. We could identify the goals that the «core of the VP» sought to achieve, on the one hand, and the objectives of the partlers who travelled to the south and the lord steward, B. P. Sheremetev, on the other. It has become evident that the presence of the VP as an observer on the Rijswijk Congress was not a random event. We show what was the result of this action for Russia. The high degree of coordination of all the groups participating in the «big action of VP», suggests the presence of a sufficiently well-developed initial intention of «power introduction» of Russia into the European concert of nations. That is why it was so easy to change, during this travel, the orientation from the south (the coalition war against the Ottoman Empire) to the north (the coalition war against Sweden). All this was only a concretization of the claims for participation in the European concert, which varied in response to the changing general political conditions.

Key words: Great embassy, Peter I, congrss of Rijswijk, Holy league, B. P. Sheremetev, P. A. Tolstoy.

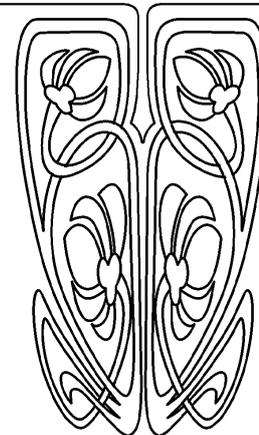
Постановка вопроса

Парадоксальным образом реальная дипломатическая цель Великого посольства до сих пор остается одной из главных загадок этой, едва ли не самой грандиозной дипломатической акции Московского государства. Это ясно выразил Е. Анисимов: ни новые, ни старые публикации «не дают удовлетворительного ответа на вопрос, зачем поехал в Европу Петр, и что он там так долго делал?»².

Перед нами тот случай, когда отсутствует надежда найти решение проблемы в еще неизвестных архивных документах. И дело не в гибели бумаг в одном из московских пожаров, – комплекс дипломатических документов, связанных с ВП, сохранился практически полностью. Более того, подавляющая часть его опубликована – как в специальных публикаторских работах, так и в виде приложений к аналитическим

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

трудам³, а остальное детально проанализировано (как черновые версии статейного списка ВП⁴). Но ни один из текстов не дает однозначного решения проблемы.

И тем не менее, к настоящему времени в печати появился такой массив документов, – и российских, и западноевропейских; и официальных, и частных, – что их комплексный анализ позволяет дать обоснованный ответ на поставленный вопрос, как, впрочем, и проясняет причину, по которой эти цели оказались не сформулированы ни в каком едином документе.

Официальная версия и версии, предлагаемые в историографии

Итак, приступим, еще раз подчеркнув, что общепризнанно отсутствие документа, где были бы официально сформулированы дипломатические цели ВП⁵, и что два существующих наказа этой проблемы не решают.

Первый, официальный и «рутинный», был передан Великим послам 25 февраля / 7 марта 1697 г. Он касался церемониала и внешних форм отправления посольства. Второй, приватный, содержал описание технических действий и был подготовлен Петром I в начале марта 1697 г.⁶ В современной терминологии его можно охарактеризовать как заказ на массивный перенос знания и материалов для создания новой большой технической системы – военно-морского флота. Если сюда добавить обучение, то и получится: комплекс целей «знаниевого» характера. Именно их как основную задачу путешествия позднее представлял сам Петр в предисловии к «Уставу морскому»⁷. Эти вопросы были разобраны нами в книге «Великое посольство»⁸, где дипломатических целей мы не касались.

Текст указа о снаряжении посольства от 6 декабря 1696 г. гласил: «Государь указал, для своих великих государственных дел, послать в окрестные государства, к цесарю, к королям Английскому и Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфирсту Бранденбургскому и в Венецию, великих и полномочных послов <...> с верующими полномочными грамматами, для подтверждения древней дружбы и любви, для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, салтана Турского, хана Крымского и всех бусурманских орд, к вящему приращению государей христианских». Другая редакция указа несколько короче и завершается пассажем: «А по чему им в тех государствах будучи, его, великого государя дела делать, и о том дать им из Посольского приказу наказ» (тот, «рутинный»)⁹.

Мы отнюдь не отрицаем, что Петр хотел расширить союз для войны против турок. Однако реальная деятельность ВП не укладывается в эти рамки, что вызывает сомнение в истинности официально объявленных целей.

Согласно классической версии, повторяемой в историографии, Петр хотел не только расширить союз для войны против турок, но и оживить действия Священной лиги. Однако в действительности ни о каком «оживлении» и речи быть не могло, ибо в 1694–96 гг. члены Лиги, исключая Польшу, вели активные боевые действия, и подгонять их было не надо. К тому же, до января 1697 г. Московия не являлась членом Лиги, в которую ее еще с весны 1684 г. безуспешно пыталась привлечь Австрия. Императорские послы, бароны Иоганн Кристоф Жировский и Себастьян Блюмберг, находившиеся в Москве с 14 мая до 24 июня 1684 г., оказались в тупике, ибо им справедливо заявили, что не могут вступать в союз, членом которого является Польша, ибо с последней не улажены проблемы мира¹⁰. В результате Австрия была вынуждена надавить на Польшу. И та, оказавшись в безвыходной ситуации, подписала в 1686 г. крайне невыгодный для себя Вечный мир с Московией, по которому окончательно теряла Киев. Россия же заключала союз лишь с Польшей, которая в Священную лигу как раз входила. Парадоксальным образом этот дипломатический триумф правительства Софьи – Голицына через три года привел к смене власти в Москве. За него пришлось платить двумя Крымскими походами 1687 и 1689 гг., – крупнейшими военными операциями, к которым Московия оказалась не готова ни в военном, ни в техническом, ни в организационном плане. И все же, в ходе обоих походов, хотя они и провалились с точки зрения внутренней политики, русские оттягивали на себя часть сил противника, облегчая ситуацию на западных фронтах. Тем самым условия Вечного мира Россией выполнялись, и Польша претензий предъявлять не могла.

Патриарх Иоаким (1620 – 17/27.3.1690) – человек крайне изоляционистских взглядов – встал на сторону Петра в конфликте с сестрой, в первые полгода после ее падения во многом определял политику правительства Нарышкиных. Скорее, он выступил не за Петра, а против царевны Софьи и князя Голицына из-за их толерантности в отношении представителей западного христианства. Изгнание Иоакимом иезуитов 2–5/12–15 октября 1689 г.¹¹ поставило отношения с Австрией почти на грань разрыва¹². И Московия больше не предпринимала никаких военных действий против Османской империи (хотя Австрия ее и подталкивала к этому в 1690–92 гг.) вплоть до Азовских походов 1695–96 гг.

Другими словами, в 1687–89 и 1695–96 гг. Россия действовала против Турции *заодно*, *совместно* с Лигой, но не как ее член.

Дьяк Нефимонов, отправленный в Вену в декабре 1695 г. для заключения договора с Австрией (что членом Лиги Россию еще не делало), не имел полномочий на вступление в Лигу. Более того, Москва категорически не хотела в нее вступать.

Согласие на союз сразу с Австрией и Венецией Петр принял лишь под Азовом 15/25 июля

1696 г., а на включение в союз Польши дал в грамотах 3/13 и 14/24 ноября 1696 г.¹³ Это были уже шаги по вхождению в Священную лигу. Австрия (но не Московия) вывернула руки всем союзникам и добилась ее возобновления в расширенном составе: коалиционное объемное мышление австрийских дипломатов против двустороннего плоскостного – московских.

Венский договор, подписанный 29 января / 8 февраля 1697 г.,¹⁴ предполагал 3-летний наступательный союз Империи, Московии, Венеции и Польши. Переговоры по вине русской стороны тянулись долго и закончились в период подготовки ВП. Поэтому, если вначале одной из его целей могло ставиться завершение этих переговоров (почему первым запланировали путешествие в Вену), то на момент отъезда уже нет.

В 1944 г. В. Гражувль в лекциях по истории разведки утверждал, что целью ВП была подготовка наступления сразу на две страны: союзников Петра якобы хотел направить против Турции, а сам сосредоточиться на Швеции¹⁵. В середине 1980-х гг. В. Возгрин предположил, что Петр I поехал в Европу сколачивать антишведский союз¹⁶. Его позиция была подвергнута обоснованной критике¹⁷. Возгрин собрал факты о сколачивании антишведского союза в ходе ВП, но среди них *нет ни одного*, который бы доказывал наличие подобных замыслов *до отъезда*. Все они укладываются в схему переориентации замыслов *в ходе путешествия*.

Анализ существующих документов

Подойдем с другого конца: когда в качестве цели ВП возникла идея создания европейского союза против Турции? Ответ: между 15/25 июля и 3/13 ноября 1696 г., ибо, чтобы выдвинуть идею расширения Лиги до общеевропейской коалиции, надо вначале увидеть себя ее членом. Это ключевые даты осмысления Московией принципиально нового для себя явления: участия в европейском концерте. Пока еще ограниченном и однонаправленном – против Турции.

Во время путешествия об антиосманском характере ВП говорили открытым текстом. Барон Бломберг после беседы в Митаве с Лефортом: «Главная цель их путешествия – пригласить христианских государей продолжать войну против турок в надежде не менее, как на завоевание Константинополя»¹⁸.

Однако слишком легко Петр повернул внешнюю политику с Юга на Север, фактически отказавшись от борьбы за сохранение Священной лиги. О том, что султан собирается просить мира, послы узнали в Амстердаме по агентурным каналам уже 8/18 декабря 1697 г. А 16/26 декабря пришло приглашение цесаря срочно приехать в Вену¹⁹. Вместо этого Петр поехал в Англию.

Отсюда вопрос: действительно ли формирование широкой антитурецкой коалиции было основной дипломатической задачей ВП?

Для ответа проанализируем его целеполагающие документы. Именно в ходе этой процедуры мы и подходим к загадке отсутствия официального наказа – главного дипломатического документа для любого посольства, где бы излагалась официальная цель акции. Но так ли уж его нет? Что, если он существует не отдельно, а в составе других документов, т. е. в форме совсем не канонической? Обратим внимание на 15 грамот, приложенных к процедурно-церемониальному наказу: 1 проезжая, 7 верующих и 7 полномочных (к цесарю, папе римскому, венецианскому дожу, голландским штатам, бранденбургскому курфюрсту, английскому и датскому королям).

Из них наиболее важными для нашего исследования являются верующие грамоты, которые содержат описание целей приезда, а потому *de facto* как раз и представляют собой совокупный дипломатический наказ послам. Цель, заявленная 6/16 декабря 1696 г. в тексте указа о снаряжении посольства, в грамотах от 25 февраля 1697 г. уже не звучала так прямолинейно. Мотив войны с Турцией и союза против нее («советы наши к безопасному христианскому делу и намерению, против неприятеля креста святого, явственно предложить, также и общепотребные дела в настоящее удобное время к ведению святой войны благополучно соединить»²⁰) был сформулирован лишь в верующей грамоте к папе. Уже из грамоты к цесарю упоминание о войне и союзе исчезает, хотя в основе та же фраза: «советы наши к безопасному намерению явственнейше объявить, также и общепотребные дела удобнее и благополучнее совокупить»²¹. И описание целей очень расплывчатое.

25 февраля в Москве еще не могли иметь отписок Нефимонова «о совершении союзного дела», посланных 30 и 31 января через Ригу и Польшу. Первая пришла лишь через 3 дня, 28 февраля / 10 марта, Петр был с нею тут же ознакомлен и приказал сделать выписки «к себе В. Г-рю в доклад тотчас», а вторая – 12/22 марта, когда ВП уже покинуло Москву, и, так как она дублировала предыдущую, Л. К. Нарышкин решил ее вдогонку не посылать. Однако 23 февраля / 5 марта Петр был уже ознакомлен с письмом, посланным из Вены через рижскую почту 20/30 января о 10-й встрече с «цесарскими министрами», из которого ясно, что дело подходило к концу. Вот оно и послужило основой для изменения формулировки в письме к цесарю (ибо ясно, что союз уже заключен) и в Венецию. Для завершения документов понадобились два дня – с 23 по 25 февраля. К тому же 25 февраля Украинцев сообщил Петру копию письма Нефимонова, посланную из Вены 23 января / 2 февраля 1697 г. и пришедшую через виленскую почту²². Однако текст грамоты в Венецию несколько отличается от грамоты цесарю, совпадая с формулировками к Голландским штатам и Бранденбургскому курфюрсту: «советы наши к безопасному союзному

намерению удобно избранные явственно предложить, и общепотребные дела благополучнее соединить»²³.

Возникает ощущение, что в Посольском приказе думный дьяк Е. И. Украинцев и боярин Л. К. Нарышкин так до конца и не прочувствовали, что Нефимонов, посланный для заключения союза с цесарем, в реальности заключил союз с тремя государствами, в том числе с Венецией. Таким образом, в верующих грамотах к ним говорится о союзах, но не утверждается, что договоры должны быть направлены против турок. События ВП подтверждают нашу позицию: в Кёнигсберге был подписан договор о дружбе и торговле, а не договор о союзе против Турции (о чем речи вообще не было) или против Швеции (что предлагал курфюрст, но на что не пошел Петр I).

В грамоте к королю Дании вместо упоминания о союзе есть лишь ни к чему не обязывающий пассаж про «советы наши к безопасному христианскому делу»²⁴. К «Аглинскому» королю: «постоянную нашу братскую дружбу и любовь объявить, и советы наши предложить, и общепотребные дела удобнее и благополучнее соединить»²⁵. Здесь нет даже «христианского» дела, которое хоть как-то можно представить направленным против Османской империи, если бы еще не одна, 16-я грамота (к французскому королю), которую так и не завершили, и потому она не вошла в официальную окончательную редакцию «Статейного списка»: «Для утверждения <...> наша братская дружбы и любви, и для предложения потребных обоим нашим великим государем и государствам нашим и всему христианству общих дел <...>»²⁶. Здесь как раз есть общие христианские дела. Но ведь Франция была союзницей Турции, и Петр это прекрасно знал еще со времен Азовских походов. А, значит, «христианская» формула значительно шире, чем призыв к войне с неверными.

Итак, в верующих грамотах о прямом союзе против турок говорится лишь по отношению к папе, с которым уже в силу того, что он – глава католической церкви, никаких других союзов мыслиться не могло. А далее тема союза редуцируется: от исчезновения указания на противника до отсутствия указания на сам союз. Тогда что остается в качестве цели?

Вчитаемся в окончание всех грамот, кроме «папской»: «общепотребные дела [удобнее] и благополучнее соединить», «для предложения потребных обоим нашим <...> государствам <...> общих дел». Вот ключевые фразы, никак не отменяющие остальных (войну против Турции, обучение, найм, закупки): Москва входит в Европу и собирается с *каждым* государством иметь «общепотребные дела», в том числе и с римским папой – просто в данном случае они названы конкретно во избежание кривотолков с обеих сторон. Яснее о претензии на участие в общем концерте и не скажешь. Ибо вряд ли можно требовать пассажи о вхождении в Европу или прорубании туда окна:

автор формулы (1739), Франческо Альгаротти (1712–64), еще даже не родился²⁷. Его, правда, опередит свидетель пребывания Петра в Англии, Даниэль Дефо, который через 12 лет, в 1710 г., опишет, как русские «открыли дверь в Европу»²⁸. Но и это будет постфактум.

Имеются ли факты, подтверждающие нашу точку зрения? Да. Обратимся к большой акции ВП, рассмотрев отдельно путешествие ядра ВП, и отдельно – Шереметева и стольников.

Дипломатическая цель путешествия Б. П. Шереметева и стольников

При отправке последних в документах дипломатические цели в принципе не могли быть отражены, ибо формально стольники ехали частным образом, и поручения Петр мог давать им лишь устно. А посему проанализируем их действия. Причем результаты, в отличие от случая ядра ВП, дадут информацию о первоначальном задании, ибо с ядром ВП ехал сам царь, который мог менять направленность действий. А Шереметев и стольники ориентировались на исходные задания, хотя могли быть и дополнительные инструкции. Таковых явно ожидал с 30 июня / 10 июля 1698 г., завершив изначально оговоренную часть программы, Шереметев²⁹. Одна из неразрешенных загадок – сама цель его путешествия. Мнения объединяются в 5 групп, из которых первые 3 – несостоятельны (личные мотивы и элемент добровольности присутствуют во всех).

1. Официальная дипломатическая миссия. Наиболее старое мнение, выразившееся в публикаторском названии, которое дал дневнику Шереметева Н. И. Новиков: «Статейный список»³⁰. Однако документы, его подтверждающие, отсутствуют. Впрочем, своему путешателю дневнику Шереметев не случайно придал характер статейного списка. Он уже когда-то ездил послом, и такой стиль был для него органичен. А еще одну причину назовем позже.

2. Подготовка приезда в Италию Петра I³¹. Версия, родившаяся от безуспешности попыток понять смысл миссии Шереметева. Однако готовить подобным образом приезд царя не было нужды, что показали его визиты в 6 стран. Перед официальным же визитом в страну посылались гонец «со обещанием». Но боярин таковым не был, и соответствующих грамот не имел.

3. Привлечение к союзу против турок различных стран³². Эти страны: Польша, Австрия, Венеция, Папский престол, Мальтийский орден и так воевали с Турцией. А Венеция, Австрия и Польша в январе 1697 г., т. е. за 5 месяцев до выезда Шереметева из Москвы, заключили с Россией договор о наступательном союзе на 3 года. К тому же в его дневнике нет ни слова о подобных переговорах. И наконец, для их ведения и заключения соглашений, Шереметев

должен был иметь дипломатический ранг, но не имел. Да и заключено ничего не было.

4. Еще Корб высказал мысль, что путешествие Шереметева «было на самом деле почетной высылкой»; Заозерский повторяет идею как «наличие элемета ссылки в путешествии Шереметева»³³. С этой гипотезой увязывается и мнение современников, что посылавшиеся в Европу отпрыски знатнейших фамилий играли роль заложников³⁴. Ее независимое подтверждение – в самом факте замены поездки стольника Михаила Борисовича Шереметева путешествием его отца, боярина Бориса Петровича: сын оставался заложником в Москве. Однако это отчасти объясняет лишь сам факт поездки, но не ее цели.

5. Мальта изначально стояла как конечный пункт его поездки, и Шереметев, заразившись в Киеве «своеобразной феодальной романтикой», мечтал получить звание рыцаря³⁵. Этот пункт не противоречит предыдущим, внося элемент добровольности в путешествие.

Для прояснения ситуации ответим на вопросы: а) чем занимался Шереметев во время своего вояжа? б) не обнаруживается ли аналогичных действий, совершавшихся стольниками?

Боярин встречался с монархами, главами, высшей администрацией и духовенством 7 стран (Польши, Австрии и Священной Римской империи, Венгрии, Венеции, Папского государства, Мальты, Флоренции), а также Неаполя и Сицилии, принадлежавших Испании. И кроме Польши все они – либо средиземноморские, либо имели влияние в регионе. В трех случаях с Шереметевым были переданы любительные грамоты царю и устные донесения (папы Иннокентия XII и два – великого магистра Мальтийского ордена), а еще одну Венеция послала через своего посла Рудзини и Возницына; три государя (император, дож Венеции и Великий Магистр), царский чрезвычайный посланник в Польше и губернатор Рима дали ему в сумме 7 рекомендательных писем и путевых аттестатов; в 4 случаях он получил награды: от императора алмазным перстнем со своей руки для постоянного ношения; от папы римского Золотым крестом с частицей «Древа Животворящего Креста Господня»; Мальтийским крестом на Мальте; в Вене королем Римским и Венгерским – шпагой в золоте и с алмазами³⁶. И это при том, что официальные переговоры не велись и трактаты не подписывались.

По Италии и на Мальту Шереметев ездил с братьями, стольниками Володимиром и Василием. Кто-то из стольников призжал на Мальту в июне и августе 1698 г.; стольник князь П. А. Голицын встречался с флорентийским герцогом Козимо III³⁷.

Но наибольшие аналогии находим в путешествии стольника П. А. Толстого³⁸, хотя если статус Шереметева можно признать полуофициальным, то у того не было и такого. Отличие его контактов от таковых же Шереметева – в их уровне: у

боярина это высший и средний иерархические уровни, у Толстого – средний, хотя были контакты и на высшем (на Мальте, в Венеции). Для Шереметева встречи и приемы составляют едва ли не основное значение поездки; для Толстого это один из нескольких элементов наряду с обучением и «туризмом». Он иногда от визитов на высшем уровне (как во Флоренции) мог и отказаться, если это путало его планы. Толстой также получал путевые листы (из Дубровника, из Неаполя, от Великого магистра), но это не предмет гордости, а служебные бумаги. По Далмации и испанской Италии его сопровождали князя Михаил и Андрей Хилковы.

На современном языке все это можно охарактеризовать как «установление связей» и «прощупывание почвы» на неофициальном и полуофициальном уровнях. Подобную деятельность мы бы определили как установление и развитие сети дружественных контактов со странами Средиземноморья и формирование в этой среде благоприятного мнения о России. Близкую мысль высказал Шмурло: Шереметев послан «вообще для сближения русского правительства с Римским Престолом»³⁹. Совместные действия против турок используются как дополнительный аргумент для укрепления отношений, но не являются целью путешествий. Отсюда понятна и вторая причина близости дневника Шереметева к «Статейному списку»: он, будучи частным лицом, но выполняя миссию представителя Московии, описал ее в форме, максимально приближенной к официальному документу, «силовым» путем подымая свой статус.

Сопоставим все это с двумя известными блоками фактов:

а) сам Петр ехал инкогнито, и его личные контакты носили столь же неофициальный или полуофициальный характер. На официальном же уровне дела вели послы;

б) барон Бломберг зафиксировал идею завоевания Константинополя, которую лелеяли весной 1697 г. московиты. Из письма Лейбница от 3/13 августа 1697 г. к Петру Лефорту о встрече Петра I и курфюрстин следует, что завоевание Константинополя обсуждалось и во время их разговора. При визите к Шереметеву 18/28 февраля 1698 г. первый сенатор Венеции пожелал «Великому Государю обладати и царствующим градом Константинополем». И наконец, Корб: «москвитяне, овладев крепостью Очаковым, могли бы своим победоносным флотом навести ужас на далекое пространство вокруг стен Константинополя». В этих четырех независимых случаях названа окончательная цель, которую ставил Петр в войне против Турции. А овладение Константинополем – это контроль за проливами. Наличие этой цели подтверждают требования свободы судоходства по ним, которые предъявлял третий великий посол, П. Б. Возницын, на Карловицком конгрессе⁴⁰.

Южная политика Петра была направлена на выход в Средиземное море, на средиземноморские торговые пути. Но тогда установление контактов с правящими особами стран этого региона Шереметевым и стольниками есть не что иное, как активное начало средиземноморской политики Петра, призванное подготовить почву для будущих партнерских отношений, торговых и союзных договоров. Своей предполагавшейся поездкой в 1698 г. в Италию, а то и во Францию, Петр должен был развить и закрепить их успех (но это отнюдь не равносильно утверждению, что Шереметев «готовил его приезд»). Еще только намереваясь выйти в Средиземное море, Петр уже предпринимает шаги по превращению государств региона, чьи контакты с Москвией были крайне редки, в группу дружественных. Союз против Турции в данном контексте превращается в важный, но короткий акт, рассчитанный на срок от 3 до 7 лет (предел, который Петр ставил Нефимову при переговорах в Вене), в то время как торговые и дипломатические связи ограничены могут и не иметь.

Вот и одна из основных задач, которую должна была начать решать «большая акция ВП»: дипломатическое освоение Россией Средиземноморья.

Недекларировавшиеся цели самого ВП

Чтобы выяснить, не было ли у Петра еще каких-либо дипломатических целей, кроме официально заявленных, выделим две группы его действий.

Первая из них включает акции, направленные на достижение целей заявленных, т. е. на продолжение войны с Турцией, на вовлечение европейских государств в эту войну и/или получение от них помощи для ее ведения. Сюда войдут переговоры со Штатами в Гааге, визит послов к Бранденбургскому курфюрсту в Кёнигсберге, переговоры в Вене, официально несостоявшийся визит в Венецию, участие в Карловицком конгрессе. Отнюдь не все они были предвидены заранее и, уж тем более, желательны (как последнее событие), но все находились в непосредственной связи с войной против Османской империи.

Вторую группу составляют действия явно случайные, которые не могли быть запрограммированы заранее, и/или инициаторами которых выступали другие монархи или правители. Это до сих пор не совсем ясные переговоры с Курляндским герцогом в Митаве; соглашение о торговле и дружбе с Бранденбургским курфюрстом и устное соглашение между ним и Петром о военной помощи; встречи Петра с Вильгельмом III в Голландии и Англии и с Августом II – в Раве.

В отличие от первой группы событий, где действующими лицами были великие послы, во второй эту функцию выполнял сам Петр, а если и привлекал Лефорта, то, скорее, в качестве переводчика.

Вмешательство в польские дела и поддержку новоизбранного Августа II можно рассматривать в рамках обеих групп.

Итак, было ли еще какое-либо крупное дипломатическое событие, в котором участвовало бы ядро ВП, но которое не вписывается ни в одну из этих групп? Было. Присутствие на Рисвическом конгрессе. Р. Виттрам, а за ним К. Цернак, И. Шварц, А. Лавров высказывали очень здравую мысль: Петр изменил маршрут в Кёнигсберге и поехал не в Австрию, а в Голландию именно потому, что там проходил Рисвический конгресс⁴¹. На наш взгляд, они точно уловили внутреннюю логику событий, а договор, подписанный 29 января / 8 февраля 1697 г. дьяком Нефимовым в Вене, не столько послужил причиной изменения маршрута, сколько дал возможность его изменить. Верфи в Саардаме для Петра и конгресс в Рисвике для послов – вот причины изменений. И ни о каком случайном попадании на конгресс речи нет. Это запрограммированное действие.

Вопросы: почему решение было принято именно 18/28 мая 1697 г. и в Кёнигсберге? было ли оно принципиально новым или его возможность предполагалась заранее?

Для ответа сопоставим даты. Конгресс начался 29 апреля / 9 мая 1697 г.⁴², хотя информация о его подготовке циркулировала в газетах значительно раньше. «The Post Boy» писал о Рисвике еще в марте 1697 г. Почта между Кенигсбергом и Амстердамом зимой шла 24 дня⁴³, летом, морским путем, значительно быстрее. Так, весной-летом 1697 г. разница между событиями в Кёнигсберге и их отражением в «Amsterdamse Dingsdaegse Courant» составляла всего 11 дней⁴⁴. А это значит, что во второй декаде мая (ст.ст.) жители Кёнигсберга могли читать как голландские, так и английские газеты с описанием открытия конгресса. Петр не мог узнать об этом раньше. Он прибыл в столицу Пруссии 7/17 мая, т. е. до того, как там могли оказаться газеты с соответствующей информацией. Да и предыдущие 5 дней (со 2/12 мая) провел на корабле, путешествуя из Ливавы в Пиллау и оттуда в Кёнигсберг, и никакой почты в эти дни не имел. Отсюда очевидно, что информация о самом конгрессе, когда он уже начался, с неизбежностью могла (да и должна была) попасть в поле внимания царя именно в Кёнигсберге.

Нефимонов с грамотами о заключении союза с цесарем и вступлении Московии в Священную лигу (что, напомним, снимало необходимость поездки Петра в Вену) возвратился в Москву 11/21 апреля 1697 г. Таким образом, известие о его прибытии могло уйти к Петру лишь с почтой, отправленной через день-два после этой даты, начиная с 12/22 апреля. Но почту из Москвы, отправленную между 15 и 23 апреля (ст. ст.), Петр получил в Кёнигсберге спустя почти месяц и в два приема: 12/22 мая (сохранились лишь письма Г. И. Головкина от 15 и 22 апреля и Л. К. Нарышкина от 23 апреля), а также через

неделю, 18–19/28–29 мая, и, по всей видимости, их привезли в Кёнигсберг послы, о чем Петр и сам пишет⁴⁵.

18/28 мая 1697 г. состоялся торжественный въезд великих послов в Кёнигсберг и ужин, данный им от имени курфюрста. А под записью следующего дня уже говорится об изменении маршрута – не в Вену, а к королю «Аглинскому» (он же – штатгальтер Голландии)⁴⁶. Таким образом, либо Петр на основании полученной информации принял решение еще до появления послов, т. е. в период между 7/17 и 18/28 мая, и ожидал их лишь для сообщения об этом, либо оно было принято совместно вечером, после торжественного ужина, 18/28 мая (возможно, с учетом информации, привезенной послами) и на следующий день обрело официальную форму, в виде грамоты, посланной к находившемуся в Вене подьячему Михайлу Волкову для извещения цесаря.

Второй вариант кажется более вероятным. Но чтобы информация об открытии конгресса и возвращении Нефимонова сразу определила изменение маршрута, к ней надо было быть готовым. То есть заранее иметь в голове более либо менее четкие цели, которых ВП могло бы достигнуть, окажись оно в месте проведения конгресса. Другими словами, задачи сии должны были осознаваться еще в России. И здесь нельзя оставить без внимания запись в «Статейном списке» Нефимонова от 27 сентября / 7 октября 1696 г., когда он послал в Москву «5 листов курантов венской печати <...> на каких статья Француз с союзники приступает к миру». В письме от 31 октября / 10 ноября 1696 г. Нефимонов описал 8-й разговор с австрийцами, в котором они прямо заявляли: «у Цес. Вел-ва и у всех союзников ныне приходит со Французским Королем к миру, и надеются они тому совершения вскоре». А в письмах от 2/12 и 6/16 января 1697 г., – о 9-м разговоре, – сообщение о том, что французы, услышав об укорочении срока союза Австрии и Московии, стали в Гааге проявлять неуступчивость в предварительных переговорах. Два первых пакета дошли в Москву 10/20 ноября и 6/16 декабря соответственно, а III и IV должны были появиться в первой половине февраля⁴⁷. То есть с ноября 1696 г. в Москве знали (и продолжали получать информацию до самого отъезда ВП), что войне Аугсбургской лиги с Францией скоро придет конец. Но тогда послы воюющих держав должны будут в какой-то момент собраться для переговоров. Чтобы это понять, не надо быть семи пядей во лбу, надо просто об этом задуматься. Если вопрос смены маршрута обсуждался (как мы думаем) на собрании послов и царя 18/28 мая и решился за один вечер, то среди собеседников кто-то размышлял об этом раньше и прогнозировал возможные действия. Скорее всего, речь идет об одном из послов и о Петре, и они уже ранее обсуждали изменение маршрута (тогда понятна оперативность в принятии решения). И таковым послом, как нам кажется, являлся Лефор⁴⁸.

При этом конгресс – событие длительное, и Петр, уже приняв решение, имел достаточно времени, чтобы задержаться в Пиллау в связи с выборами Польского короля. Зато потом движение шло почти безостановочно: проскочили, не задерживаясь, даже Берлин.

В Гааге ВП «накрыло» дипломатический корпус, представлявший едва ли не всю Европу. И по личному приказанию Петра, со всеми (кроме французских и савойских послов) имело контакты, хотя официально встречи были лишь с послами крупных государств – цесарскими, испанскими, английскими, датскими, шведскими, бранденбургскими и саксонско-польским. Отказ от встреч с послами Франции (с которой Россия находилась на грани войны) являлся такой же демонстрацией, как и общение с другими. Во время встреч устанавливались контакты и связи, которые будут играть роль в дальнейшем, как показал пример Саксонии.

Московию никто не приглашал на конгресс, но она *de facto* оказалась ее неофициальным участником в роли наблюдателя. Это был опыт, которого в дипломатии до того не имели. Для России – первый шаг от восточного посольского каравана, каковым являлось ВП, к европейской дипломатической практике. А для европейских дипломатов – немислимая ранее возможность широкого и свободного общения с москвитями.

Впрочем, Россия заслужила моральное право присутствовать наблюдателем на конгрессе, на проведение которого дважды невольно оказала влияние: ее вступление в Священную лигу ускорило само проведение переговоров, сделав Францию более сговорчивой⁴⁹, а вмешательство в выборы польского короля не дало Франции шанса занять более жесткую позицию. Если бы в Польше сел на трон французский принц, Австрия с трех сторон оказалась бы окружена союзниками Франции, поведение которой сильно бы изменилось.

Среди результатов опыта – понимание Петром важности Гааги, как одного из европейских дипломатических центров, а, возможно, и сам факт наличия таковых. Неслучайно первое постоянное посольство Петр учредил именно в Гааге, куда послал А. Матвеева уже в 1699 г.

Выводы

Рисвикский конгресс – одно из трех событий, с политико-дипломатической стороны завершавших XVII век. И благодаря рывку Петра в Голландию, Московия приняла в нем участие.

Как коротко можно охарактеризовать весь перечисленный выше комплекс встреч и контактов? На наш взгляд, как «силовое» введение России в концерт европейских государств, причем на конгрессе, где ее просто не должно было бы быть.

Но ведь и на юге в отношении другого региона решались те же задачи.

Ну, что ж, вот перед нами одна из основных, хотя и не декларировавшихся дипломатических целей ВП. И неважно, как формулировались эти идеи, да и были ли они изначально сформулированы, или лишь осознавались, а решения принимались по мере развития событий.

Есть ли противоречие между формулировкой приглашения христианских государств в анти-турецкую коалицию и претензией на участие в европейском концерте? На наш взгляд, нет. Первое положение есть конкретизация второго в условиях 1697–98 гг. Через три года изменятся условия, и вместо антитурецкого союза будет создан антишведский. Но ведь и это лишь другая конкретизация того же второго положения. Чтобы его осмыслить в абстрактных формулировках, требовалось время и опыт. Первые же формулы носили узкоконкретный характер.

В целом же Петр хотел присутствовать в Европе, и Великое посольство должно было его туда ввести с черного хода. С парадного въезжали Великие послы.

Примечания

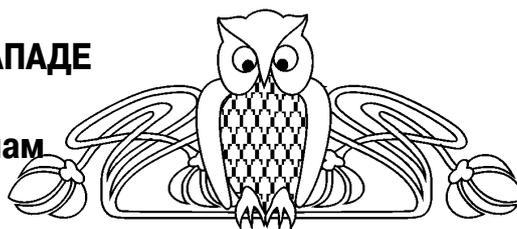
- 1 Далее – ВП. Даты в России – по ст. ст. или дробью, в Европе – дробью.
- 2 *Анисимов Е.* В поисках новой России : Петр в Голландии // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century.* Köln, 2001. P. 1.
- 3 См.: Памятники дипломатических сношений (ПДС). Т. 7–9. СПб., 1864–68 ; Письма и бумаги Императора Петра Великого (ПиБ). Т. 1. СПб., 1887 ; Походный журнал 1697 года ; То же. 1698 года. СПб., 1911 ; История Свейской войны. <...> Вып. 2. М., 2004 ; *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов. М., 2006 ; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1–4. СПб., 1858–63 и др.
- 4 См.: *Гуськов А. Г.* Великое посольство Петра I <...>. М., 2005.
- 5 См.: О целях ВП см. также: История русской армии и флота. Вып. 7. М., 1912. С. 50–51 ; *Павленко Н.* Александр Данилович Меншиков. М., 1989. С. 21 ; *Crinò A.* La visita di Pietro il Grande in Inghilterra dalle lettere di Thomas Platt ad Apollonio Bassetti // *Nuova Rivista Storica.* Vol. 37, fasc. 5–6. 1953. P. 440 ; *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 21 ; Петр I и Голландия. <...> СПб., 1996. С. 12.
- 6 См.: *Богословский М.* Петр I : Материалы для биографии. Т. 2. М., 1941. С. 8–11 ; *Долгова С.* Молодой Александр Меншиков в составе Великого посольства // Петровское время в лицах. СПб., 1999. С. 15–18 ; *Wittram R.* Peters des Großen erste Reise in den Westen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1955. Bd. 3, H. 4. S. 378 ; *Ключевский В.* Курс... С. 21 ; ПиБ. С. 135–137.
- 7 См.: Устав морской : о всем что касается к доброму управлению в бытности флота на море <...> 1763 года = Книга Устав морской. <...> Лета Господня 1720. <...> М., 1993. С. 9.
- 8 См.: *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. СПб., 2003.
- 9 *Богословский М.* Петр I... Т. 1. М., 1940. С. 367 ; *Устрялов Н.* История... Т. 3. С. 6 ; *Шмурло Е.* Критические заметки по истории Петра Великого // Журнал Мин-ва нар. просвещ. 1900. Ч. 329. С. 71.
- 10 См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России : по 1800 год. Ч. 1. М., 1894. С. 29.
- 11 См.: *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. М., 2004. С. 156 ; ПСЗ. Т. 3. № 1351. С. 39–40 ; *Давид И.* Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 128–130.
- 12 См.: *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 401.
- 13 См.: ПДС. Т. 8. Стб. 226–234, 368–374 ; ПиБ. С. 89–90, 578, 591 ; *Устрялов Н.* История... Т. 2. С. 430.
- 14 См.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 1. СПб., 1874. С. 13–20 ; ПДС. Т. 8. Стб. 408–421.
- 15 См.: *Гражкуль В.* Тайны галантного века. <...> М., 1997. С. 12–13.
- 16 См.: *Возгрин В.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 60–70.
- 17 См.: *Лавров А.* Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения. Вып. I. СПб., 2001. С. 125, 136 ; *Павленко Н.* Петр Великий. М., 1994. С. 65.
- 18 *Богословский М.* Петр I... Т. 2. С. 39 ; *Устрялов Н.* История... Т. 3. С. 6 ; *Blomberg Ch. J. de.* Description de la Livonie .... Utrecht, 1705. P. 331.
- 19 ПДС. Т. 8. Стб. 1123, 1135, 1140–1144.
- 20 Там же. Стб. 640–641.
- 21 Там же. Стб. 637.
- 22 ПДС. Т. 7. Стб. 1253–1263 ; Т. 8. Стб. 402–403, 408.
- 23 ПДС. Т. 8. Стб. 402–403, 408, 648, 650, 652.
- 24 Там же. Стб. 646.
- 25 Там же. Стб. 643.
- 26 *Гуськов А. Г.* Великое посольство... С. 88–89, 94–95.
- 27 См.: *Альгаротти Ф.* Русские путешествия. <...> СПб., 2006. С. 69.
- 28 Цит. по: *Урнов Д.* Беспристрастная история // Книжные сокровища мира. Т. 1. М., 1989. С. 165.
- 29 См.: Россия и Запад : Горизонты взаимопонимания. М., 2000. Вып. 1. С. 148.
- 30 См.: Статейный список Посольства ближнего боярина и Наместника Вятского Бориса Петровича Шереметева в Краков, Венецию, Рим и Мальту в 7250 (1697) годе // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 5. М., 1774. С. 252–432 ; Похождение в Малтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева 1697 июня 22 – 10 февраля 1699 // ПДС. Т. 10. СПб., 1871. Стб. 1581–1698.
- 31 См.: *Павленко Н.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 133 ; *Шмурло Е.* Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту <...> // Сб. Русского ин-та в Праге. Вып. 1. Прага, 1929. С. 11.
- 32 См.: *Захаров В.* Посольства Петра I на Мальте в 1698 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 173 ;

- Павленко Н. Птенцы гнезда... С. 133; Россия и Запад... С. 13–14.
- ³³ Заозерский А. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 213; Корб И. Главные события из быта московитян // Рождение Империи. М., 1997. С. 235.
- ³⁴ См.: [Крелль Дж.]. О состоянии Российской империи в 1699 году <...> // Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений. <...> Ч. 1. СПб., 1787. С. 42–43; Нартов А. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 11.
- ³⁵ См.: Заозерский А. Фельдмаршал... С. 24; Захаров В. Посольства Петра I... С. 185.
- ³⁶ Россия и Запад... С. 60–179.
- ³⁷ См.: Герасимова Ю. Воспоминания Филиппо Балатри – новый иностранный источник по истории Петровской России: 1698–1701 // Записки ОР ГБ СССР. 1965. Т. 27. С. 164–190; Кафенгауз Б. Записки Филиппо Балатри о России при Петре I // Старая Москва. Сб. 1. М., 1929. С. 95–108; Di Salvo M. Vita e viaggi di Filippo Balatri <...> // Russica Romana. 1999. Vol. 6. P. 37–57; Захаров В. Посольства Петра I... С. 186–188.
- ³⁸ См.: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697–1699. М., 1992.
- ³⁹ Шмурло Е. Поездка Б. П. Шереметева... С. 11.
- ⁴⁰ См.: Богословский М. Петр I... Т. 3. М., 1946. С. 119, 393; Корб И. Главные события... С. 233; Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев: 1668–1737. Т. 1. М., 1913. С. 86; Россия и Запад... С. 100; ПДС. Т. 9. Стб. 206–207; Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 19; Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 21.
- ⁴¹ См.: Лавров А. Великое посольство... С. 137, 141; Schwarcz I. К вопросу о судьбе Священной лиги в связи с пребыванием Великого посольства в Вене // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln, 2001. P. 127; Wittram R. Peter I, Czar und Kaiser <...>. Bd. 1. Göttingen, 1964. S. 149; Zernack K. Die Anfänge von Peters Regierung: 1689–1700 // Handbuch der Geschichte Russland. Bd. 2, H. 1. Stuttgart, 1983. S. 242.
- ⁴² Иногда указывают 6.5.1697 (н.ст.) (Лавров А. Великое посольство... С. 115). Проходил в Рисвике (Rijswijk, Ryswick, Reswick), в замке принцев Оранских, недалеко от Гааги.
- ⁴³ ПДС. Т. 8. Стб. 1152–1155.
- ⁴⁴ Amsterdamse Dingsdaegfe Courant (Amsterdam). № 67, 69, 70 от 4, 8, 11.6.1697; The Post Boy (London). № 290 от 13 – 16.3.1697.
- ⁴⁵ ПДС. Т. 8. Стб. 450; ПиБ. С. 617–618. Петр I – А. А. Виниусу 19 / 29.5.1697: «Письма отъ многихъ ко мне дошъли; толко мне отданы недавъна, иныя теперь, для того что мы приехали морем, а почта, сухим путемъ идучи, въсегда посламя в руки дахадила, которыя после насъ полтары недели сюды приехали» (ПиБ. С. 156).
- ⁴⁶ ПДС. Т. 8. Стб. 801–807.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 303–305, 343, 373, 389–394.
- ⁴⁸ Роль Лефорта в принятии этого решения не ускользнула от внимания историков: «Лефорт также настаивал на том, чтобы прямо отправиться в Голландию. Напрасно предполагают, что причиной этого было рвение кальвиниста: Лефорт был достаточно равнодушен в вопросах, касающихся религии. Случайности играли гораздо большую роль в изменениях маршрута, <...> чем это обыкновенно предполагают» (Валишевский К. Петр Великий. М., 1993. С. 82). С утверждением о религиозном равнодушии Лефорта мы согласиться не можем и допускаем, что его протестантские симпатии могли иметь дополнительное значение, но Валишевский уловил верно: не они были основной причиной изменения маршрута.
- ⁴⁹ См.: ПДС. Т. 8. Стб. 382–383, 390–392.

УДК 04 (477.7) «18/19». 3036.7

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (по материалам государственных архивов Украины)

Е. С. Сидорович

Институт истории Украины,
Национальная академия наук Украины
E-mail: eg.sidorovitch@yandex.ua

The Economic Activity of French Settlers on the South-west
of RUSSIAN Empire in the End of XVIII – the First Half of XIX
Century (According of Materials of State Archives of Ukraine)

E. S. Sidorovich

В статье анализируются документы Государственных архивов Одесской и Херсонской областей, что позволяет конкретизировать влияние французских переселенцев в хозяйственном становлении Новороссийского края в выделенный период. Автор на основании архивных материалов выделяет основные направления экономической деятельности иностранцев.

In the article is analyzed the documents of the State Archives of Kherson and Odessa Oblasts. This enables to concretize the influence of French migrants on the economic development of Novorossiyskiy region in this period. Author writes about main sectors of economic activity of foreigners on the south-west of Russian empire in the end of XVIII – the first half of XIX centuries.

Ключевые слова: француз, торговля, овцеводство, земельный участок, аристократ.